

Л. А. Сугай

**Гоголь в Риме
и «Рим» Гоголя
в художественной
рецепции русских
поэтов**

Тема пребывания Гоголя в Риме появляется в поэзии ещё при жизни писателя – в дружеских посланиях и приветствиях Н. М. Языкова и С. П. Шевырева.

Благословляю твой возврат
Из этой нехристи немецкой,
На Русь, к святыне москворецкой!
Ты, слава богу, счастлив, брат:
Ты дома...¹

Стихотворение написано в 1841 году. С января по август 1841 года Гоголь проживал в Риме, откуда через Флоренцию, Геную, а затем Германию, посетив Н. М. Языкова в Ганау, отправился в Россию. «Нехристи немецкая» для Языкова – это и Европа в целом, и в первую очередь Рим, ставший с 1837 года главным пристанищем Гоголя за рубежом. Противопоставив *суете и вредоносным наваждениям* заграничного быта «привольное житьё», «уединение», любовь «к труду и тишине», которое писатель обретёт на родине, Языков открыл в русской поэзии тему негативной оценки чужбины, оторвавшей Гоголя от России.

По-иному откликнулся на римский период жизни Гоголя Шевырев. В. В. Каллаш предполагал, что это он был автором стихотворения «Н.В. Гоголю» («Милый Гоголь наш, здорово!..»), опубликованного под псевдонимом Москвич в «Москвитянине» (1848)². Не противопоставление чужбины

¹ Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 330.

² Н. В. Гоголь в русской поэзии / Сост. В. В. Каллаш. М., 1902. С. 12.

и Руси, а благословение тех мест, где ступала нога друга, становится темой стихотворения. Приветствуя возвращение Гоголя в Россию, поэт не осуждает, что тот «...с чужими / Жил среди чужой земли»¹:

Ты всегда нам мил, пригож,
На Руси живёшь ли с нами,
Или за морем живёшь².

В потоке добрых слов об Италии, «где катаются гондолы / По лиманам и рекам...»³, поэт обращается к образу героини гоголевского отрывка «Рим». За 170 лет бытования стихотворных произведений, посвящённых Гоголю, в которых много раз воскрешали в поэтических образах персонажи его повестей, комедий, поэмы «Мёртвые души», Аннуциата появилась только в данном стихотворении:

Где, мечты твои тревожа,
Юга пламенная дочь,
Где твоя Аннуциата
Блещет вечной красотой, –
Милый Гоголь наш, туда-то
Мы летели за тобой...⁴

Для автора приветствия очевидно, что Гоголь «недаром / Меж развалин и могил / В Риме вечном, в Риме старом / Наблюдательно бродил».

Нельзя не упомянуть и более раннее стихотворение Шевырева «К Гоголю». При поднесении ему от друзей нарисованной сценической маски в Риме, в день его рождения»⁵ (1838). Авторство этого стихотворения не вызывает сомнения, хотя его не знал и не включил в свой сборник Каллаш. Сопровождавшее вручение подарка стихотворение комментировало его символический смысл – русскому комедиографу как бы передавалась сценическая маска прославленного итальянского драматурга:

Её покинул славный твой собрат,
Ещё теперь игривым, вольным смехом
Волнующий Италию: возьми
Её – взглядишь в шутливую улыбку
И в честный вид – её носил Гольдони⁶.

Шевырев сопоставил Гоголя с Гольдони, который «смело выражал черты народа», «и через чистый смех» которого «в сердца граждан / Вливалось истины добро святое»:

Ты на Руси уж начал тот же подвиг!
Скажи, поэт, когда, устав от дум
И полн заветных впечатлений Рима,

¹ Там же. С. 13.

² Там же. С. 12.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Москвитянин. 1842. Ч. I. № 1. С. 16–17.

⁶ Шевырев С. П. Стихотворения. Л., 1939. С. 180.

Ты вечером, в часы сочувствий тёмных,
Идёшь домой, – не слышится ль тебе,
Не отдаётся ли в душе твоей
Далёкий, резвый, сильный, добрый хохот
С берегов Невы, с берегов Москвы родимой?¹

Здесь, как и в приветствии Москвича, Рим не противопоставляется России, а трактуется, говоря словами Пушкина, как «приют спокойствия, трудов и вдохновенья».

Италия, вдохновившая автора «Мёртвых душ», предстаёт и в послании А. Г. Тройницкого «Гоголю. (В память знакомства с ним по возвращении его через Одессу из Италии)» (1852):

Ты возвращался из страны,
Где столько красок и весны;
Где в мире вольного искусства
Такой простор для дум и чувства...²

Гоголь дал русской лирике образ «прекрасного далека», стихи его современников наметили два вектора рассмотрения темы «Рим в судьбе и творчестве писателя», причём в поэзии XX–XXI веков преобладает явное или скрытое осуждение Гоголя «эмигранта», негативная оценка самого факта его жизни вне России. Заявленный Языковым мотив противопоставления чужбине святой Руси был подхвачен в год пятидесятилетия со дня кончины Гоголя. 21 февраля 1902 года «Московский листок» поместил на своих страницах стихотворение некоего Родиона М. «Смех сквозь слёзы», из которого узнаём, что Гоголь, «страдая на чужбине, / Рвался сердцем, как святыне, / К славной родине своей...» И это пишется о человеке, который называл Рим – «мой обетованный рай» [XI: 270] и утверждал, что «кто был в Италии, тот скажи "прощай" другим землям. Кто был на небе, тот не захочет на землю» [XI: 105]!

За три дня до появления виршей о Гоголе в «Московском листке» «Петербургская газета» опубликовала три стихотворения В. В. Жукова под общим заголовком «Памяти Гоголя». Завершающее триптих стихотворение «У могилы» – монолог Тараса Бульбы, обращённый к своему создателю, включает формулу, характеризующую пафос многих стихотворных текстов о Гоголе: «Ты был пасынком для "Рима" / И любимцем для "Днепра!"». Вариация на ту же тему – стихотворение В. А. Гиляровского, прочитанное им в Московском университете на заседании украинского землячества в юбилейные гоголевские дни 1909 года. По мысли автора, Гоголь, покинув «красоту хуторов над широким Днепром», неуклонно шёл к гибели:

Безмятежный покой он навек потерял
И, в тревожной тоске цепenea,

¹ Шевырев С. П. Стихотворения. Л., 1939. С. 180.

² Н. В. Гоголь в русской поэзии. С. 25.

В Палестине далёкой его он искал,
Призывал на стенах Колизея¹.

Образ мучающегося в Риме писателя рисует молодой Илья Эренбург в верлибре «Гоголь» (1915): «Неуклюжий иностранец / Он сидел в кофейне "Греко"»². Поэт несколькими штрихами набрасывает портрет человека мрачного, одинокого, погруженного в свои думы, никак «не вписавшегося» в Город, да и сам Рим предстаёт нашему взору как бы сквозь серую пелену – *сумерки, серые церкви, тягота, сумрак*. Поэт, сам переживавший в эмиграции душевный кризис, творил *своего Гоголя*, близкого образу, известному по религиозно-мистической и символистской критике рубежа XIX–XX веков [подр. см.: Сугай, 2011: 123–132].

Сходные портретные зарисовки Гоголя «иностранца» находим в цикле верлибров «Арабески из Гоголя», созданных А. Е. Крученых в 1943–1944 годах:

Среди палат Флоренции
молодой чумак носач,
в синем фраке,
засохлыми глазами,
рыбьим студнем
застыл на камне.
– О, тоска, тоска!
Последность дней моих
У мачехи-чужбины,
О, тройка Русь!
Поглоти меня
в просторы полей!..³

В пятой миниатюре цикла предстаёт пред нами «стройный улыбарь – любовник / Гоголь – синьорчо – кавалер», который один «непринуждённо выпрастывался» «на римском стадионе / из стада заезжих чудищ»⁴. Крученых и в поздних стихах остался верен футуристическому словотворчеству: «последность», «улыбарь», «выпрастывался». Последнее слово имеется в русском лексиконе (разг. – сниж.: *высвободиться откуда-л., из-под чего-л; рожать, разрешаться от бремени; высвободиться от содержимого; опоражниваться*)⁵, однако Крученых вкладывал иной смысл в него: *выделяться, выламываться из общей картины, не вписываться в неё*. В своём новом, «самовитом» значении слово передавало идею чужеродности Гоголя Риму, противоестественности его пребывания вне русских просторов.

Ещё один трагический образ, образ безумца, встречаем в песне «Гоголь в Риме» (1989) Вл. Оксиковского:

¹ Русское слово. 1909. № 93. 24 апр.

² Эренбург И. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 231.

³ Крученых А. Е. Слово о подвигах Гоголя. Арабески из Гоголя. Madrid, 2001. С. 34.

⁴ Там же.

⁵ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Т. 1. М., 2001. С. 268.

Некого любить... Древняя Ассирия, 10 век до рожденья...
Боже, так давно сойти с ума.
Я русский писатель и божественные стремленья
Во мне прорываются через горы людского дерьма. <...>
Трудно писать, когда знаешь о чём,
Когда вместо страха смех сатаны,
И черти пасхальным куличом
Орошают бесплодие вечной весны.
Рим – это тот же скандал и синь,
Спор правды с её рабами.
А во снах так хочется на Украину
Небо красить подсолнухами и петушками. <...>¹

В поэме Н. Асеева «Гоголь» и в стихотворении Н. Рыленкова «Гоголь в Риме» *modus vivendi* героя получает схожую трактовку: Гоголь «на чужбине, не отшельник», а Подвижник России, жизнь писателя в Риме – это миссия, завещанная Пушкиным:

Его влекли сюда не горы
И не лазури торжество,
А подвиг зрелости, который
Стал делом жизни для него.
Тот труд, что Пушкиным завещан,
Всё должен вывести на свет,
Чтоб даже Вий, как ни зловещ он,
Казался сказкой детских лет².

О том же читаем в поэме Асеева, где целебному серебру римского неба, архитектурным шедеврам противопоставляется «лучшее в мире лекарство – под усом лукавство» – труд писателя-сатирика:

И, перед конторкою стоя,
он пишет – в работе привычка, –
и едет сквозь жито густое
знакомая пыльная бричка...
Не римская это окрестность,
не мрамор дворца Адриана, –
глухая заросшая местность
в качанье бурьяна³.

Рефрен Рыленкова «Нет, не забыть под небом Рима / Родных небес, родной земли»⁴ равно передаёт и пафос главы «Рим» поэмы Асеева, и многих стихотворных произведений о Гоголе 50–80-х годов XX в.

Если в стихах Асеева и Рыленкова Гоголю-римлянину за «Мёртвые души», написанные на чужбине, даётся своеобразная индульгенция,

¹ <http://www.ragimov.com/vrag/lyrics.php?keyA=OKS&sKey=gogol>

² Рыленков Н. И. Стихотворения и поэмы. Л., 1981. С. 322.

³ Асеев Н. Памяти лет. М., 1956. С. 302.

⁴ Рыленков Н. И. Указ. соч. С. 322.

то в лирической миниатюре Александра Кушнера вина писателя констатируется а priori:

Снег подлетает к ночному окну,
Вьюга дымится.
Как мы с тобой угадали страну,
Где нам родиться!
Вьюжная. Ватная. Снежная вся.
Давит на плечи.
Но и представить другую нельзя
Шубу, полегче.
Гоголь из Рима нам пишет письмо,
Как виноватый.
Бритвой почтовое смотрит клеймо
Продолговатой...¹

Позднее Кушнер завершил свой мысленный спор с Гоголем в стихотворении, открывающемся строками: «Нет лучшей участи, чем в Риме умереть. / Проснулся с гоголевской фразой этой странной»². Повторяющаяся в полной и в усечённой форме данная фраза шаг за шагом должна бы убеждать в превосходстве Рима (розовеющее и сиреневое весеннее небо, радуга фонтанов, Человек ближе к Богу...). Но за всеми красотами проступает «*тьень смертельная*», «*знойный прах и тлен*»... Главный контраргумент, рождающийся в сознании поэта, коррелирует с темой более раннего его стихотворения о Гоголе, начинавшегося и завершавшегося строками о снеге. Как бы подхватывая концовку первого стихотворения («И доставали плеча твоего / Крылья метели»³), поэт резюмирует:

Нет лучшей участи, – твержу... Нет, лучше снег,
Нет, лучше белый снег, летящий на дорогу.
Нет, лучше тучами закрытое на треть,
Снежком слепящее, туманы и метели.
Нет лучшей участи, чем в Риме умереть.
Мы не умрём с тобой: мы лучшей не хотели⁴.

В цикле стихотворений Бориса Чичибабина «Путешествие к Гоголю», как и в начале века в стихотворении Вл. Гиляровского, звучит осуждение писателя, покинувшего родные края:

Как утешительно-тиха
и как улыбчиво-лукава
в лугов зелёные меха
лицом склонённая Полтава. <...>

Здесь божья слава сердцу зрима.
Я с ветром вею, с Ворсклой льюсь.

¹ Кушнер А. Канва. Л., 1981. С. 88.

² Кушнер А. Стихотворения. Четыре десятилетия. М., 2000. С. 136.

³ Кушнер А. Канва. С. 88.

⁴ Там же.

Отсюда Гоголь видел Русь,
а уж потом смотрел из Рима...¹

Поэт категорично заявляет:

Не впрок пойдёт ему отъезд
из вольнопесенных раздолий:
сперва венец и capitoлий,
а там – безумие и крест².

И по количеству, и по уровню мастерства стихотворения, рисующие Рим как «родину души» [XI: 141] Гоголя, характеризующие его благостное влияние на творчество писателя, явно уступают произведениям, противопоставляющим «чужбине» святую Русь, Россию, Украину. Стихотворные отклики этого плана встречаем, прежде всего, в биографических очерках, авторы которых стремятся передать в стихах все события жизни Гоголя и, разумеется, не могут обойти римский период. Таковы поэма «Гоголь» Л. Г. Мунштейна, публиковавшего свои стихи под псевдонимом Lolo³, и стихотворный очерк «Умер – и жив!.. (Памяти Н. В. Гоголя)», подписанный Б. Н-кий. Италия рисуется Мунштейном как «мир волшебный / Искусств, поэзии, красот...» Он правдиво передаёт душевное состояние Гоголя итальянского периода:

И для восторгов пилигрима
В садах Неаполя и Рима,
Где красота необозрима,
Опять душою он воскрес.
Весь яд недавних испытаний
Он позабыл среди скитаний
Под синевой чужих небес,
В чертоге роз, мимоз, латаний,
В краю поэзии, мечтаний,
В стране пленительных чудес...⁴

Скрывший своё имя под криптонимом Б. Н-кий более лапидарен в характеристике итальянского периода, но эпитеты и сравнения его столь же яркие:

Поэт, тоской души томим,
Бежит... Меняются картины...
Неаполь чудный, старый Рим,
Пески и солнце Палестины,
Как сон, проносятся пред ним...⁵

Однако и Lolo, и Б. Н-кий, подробно повествующие обо всех гоголевских творческих шагах, повесть «Рим» не упоминают. Как и критики

¹ Чичибабин Б. А. Колокол: Стихи. М., 1991. С. 103.

² Там же. С. 104.

³ Подзаголовок поэмы менялся: «Биографический эскиз» (Новости дня. 1902. 22 февр.); «Опыт биографии в стихах» (Рампа и жизнь. 1909. № 4. 26 апр.)

⁴ Николай Васильевич Гоголь. Материалы, собранные А. А. Бахрушиным: В 3 т. М.; СПб., 2009. Т. I. С. 557–558.

⁵ Там же. С. 292–293.

«чужбины», они акцентируют внимание на главном творении, созданном в Риме:

Но из «прекрасного далека»
 Порой несётся он мечтой
 Туда, в печальный край родной,
 И сатирическое око
 Глядит в пучину зла, порока,
 И гений смеха вновь парит,
 И муза смелая дарит
 Родному, дремлющему миру
 Свою великую сатиру...¹

Дань признательности Италии, благодатной для гоголевского гения, звучат и в стихах А. Мясоедова «Гоголь» (12 марта 1909 года):

...Покинув родину на много лет,
 Он жил вдали в «отчизне вдохновений»,
 Где легче жизнь и ярче солнца свет,
 Где расцветал его великий гений!
 И там в чужом, пленительном краю
 Творил он вдохновенно и глубоко
 И воспевал он родину свою
 «Из чудного, прекрасного далека»².

Славу Риму, даровавшему Гоголю радость жизни, вдохновение, провозглашают поэты, сами живущие в Вечном городе или посещающие его (положивший начало этой теме Шевырев провёл несколько лет в Риме и посвятил ему цикл сонетов). Ярким примером этого второго типа позитивных откликов на тему можно считать стихотворение М. П. Чайковского, опубликованное 21 февраля 1909 года в тексте статьи Peregrino «Русские римляне и Н. В. Гоголь». Гоголь предстаёт не как чужестранец и пасынок, но как наследник – «внук» Рима, и противопоставление Рима и России здесь явно не в пользу последней:

К тебе, великая могила
 Могущества и славы, – Рим!
 К тебе, где скорбь веков почил, –
 К святым развалинам твоим, <...>
 К тебе, всемирный просветитель,
 Свидетель древний стольких мук, –
 Печали светлый утешитель, –
 К тебе, как к деду с плачем внук, –
 Пришёл певец чужой, из края
 Насильства, рабства, тьмы и стуж,

¹ Там же. С. 557–558.

² Там же. Т. III. С. 48–49.

Негодованием пылая,
Поведать повесть мёртвых душ¹.

В XX–XXI веках русские поэты-путешественники, посвящавшие свои стихи Риму, включают в поток своих импрессионистических зарисовок ассоциации с Гоголем. Италия, пленившая Сергея Соловьева ещё в раннем детстве, вдохновила его на создание поэмы. Соловьев рисует историческую панораму Вечного Города, упоминает прославленных людей, судьбы которых были связаны с Римом. Венчает галерею портретов Гоголь:

Оставил здесь глубокий след
Диканьских хуторов поэт.
На тёмной улице Sistina
В те дни была святая глушь,
И реял призрак Мёртвых Душ².

Вяч. Иванов, поселившись в Риме, вернулся после длительного периода к поэзии и создал «Римские сонеты» (1925). Стихи представляют собой своеобразный поэтический *путеводитель* по Риму. Среди потока легендарных имён и исторических реалий появляются и дорогие поэту русские имена:

Бернини, – снова наш, – твоей игрой
Я веселюсь, от Четырёх фонтанов
Бредя на Пинчьо памятной горой,
Где в келью Гоголя входил Иванов,
Где Пиранези огненной иглой
Пел Рима грусть и зодчество титанов³.

Почему Иванов написал о Бернини «*наш*» и наш «*снова*»? Не потому ли, что его сделал нам близким, *нашим* – Гоголь? Сонет – живое отражение римских впечатлений поэта, однако он воссоздаёт и процесс постижения Рима гоголевским героем, а опосредованно и восприятие самого Гоголя. В повести «Рим» автор рассказывает о юном князе: «Ему нравились эти беспрерывные внезапности, нежданности, поражающие в Риме. <...> как тёмная грязная улица оканчивалась нежданно играющей архитектурой декораций Бернини, или летящим кверху обелиском, или церковью и монастырской стеною, вспыхивавшими блеском солнца на темно-лазурном небе, с чёрными, как уголь, кипарисами» [III: 235–236].

В конце XX столетия в стихотворении Е. Рейна «Утреннее размышление в кафе "Греко"» мы снова встречаемся с именами Гоголя и Александра Иванова:

И надо мной меж ламбрекенами
Висела в рамочке страница,
Которой бы аборигенам бы
Всех больше надо бы гордиться.

¹ Николай Васильевич Гоголь. Материалы, собранные А. А. Бахрушиным: В 3 т. М.; СПб., 2009. Т. II. С. 374.

² Соловьёв С. Италия. Поэма. М., 1914. С. 25–26.

³ Иванов В. И. Стихотворения. Поэмы. Трагедии. СПб., 1995. Кн. II. С. 142.

И вмиг узнал я почерк Гоголя
 Про подлецов и департамент <...>
 Вот здесь, за этими диванами,
 Как папуасы и разини,
 Они и нежились с Ивановым
 И говорили о России¹.

Ироническая концовка про разорительный для поэта счёт, который «исчислен лирами / И должен быть оплачен лирой», не снимает грустного впечатления от угасающей памяти поколений и растрачиваемом по мелочам величии Вечного города.

Современный Рим глазами русского туриста представлен и в стихотворении С. М. Гандлевского, опубликованном в 2012 году:

Вот римлянка в свои осьмнадцать лет
 паркует мотороллер, шлем снимает
 и отрасает кудри. Полнолуние².

Пейзажные и бытовые зарисовки ночного города, воспоминания поэта о прежних прогулках вдоль серебряного Тибра, сменяет неожиданная ассоциация:

Piazza de Massimi здесь шлялись с Петей
 (смех, а не «пьяцца» – чёрный ход с Навоны),
 и мне пришло на ум тогда, что Гоголь
 берёзу вспомнил, глядя на колонны,
 а не наоборот. Так и запишем³.

За лёгкостью и обыденностью продолжающегося повествования про «старичье в носках и сандалетах» и римлянку с мотоциклетным шлемом как тайный гоголевский код нисходит мысль о загадке творческого восприятия, о символах двух национальных культур. Приведённое стихотворение можно отнести в третьему типу поэтических произведений о Гоголе в Риме, в которых Гоголь лишь повод у поэтов для выражения собственных переживаний, лирических медитаций, личных впечатлений. Пример тому – стихотворение Михаила Визеля: «Словно Гоголь в Риме – / память, что с тобой? – / утрами косыми / Я обрёл покой»⁴. Вариацией данного типа стихотворений можно считать и стихи-парафразы гоголевских текстов, известные ещё в начале XX века, и современные ремейки на гоголевские темы.

Возьмём, например, лирический монолог о Риме Л. Беляевой. Если бы не эпиграф из «Мёртвых душ» («Русь, Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу»), стихотворение, опубликованное в дни столетнего юбилея писателя, можно было бы вообще не связывать с Гоголем. В описании Рима есть отдельные лексемы, встречающиеся в гоголевских письмах и повести «Рим», есть тема лирического отступления

¹ Рейн Е. Сапожок. Книга итальянских стихов. М., 1995. С. 53.

² Знамя. 2012. № 1. С. 3.

³ Там же.

⁴ <http://www.parnas.ru/poetry/?artwork=383>

из «Мёртвых душ», но прямых цитат или реминисценций в стихотворении нет. Впечатления и переживания лирической героини лишь схожи с гоголевскими, воссоздавать образ Гоголя, его монолог – такой задачи Беляева не ставит:

Вдали причудливо нависли гор громады
Над вечной зеленью синеющих долин,
И в радужной пыли играют водопады,
И дремлют в чутком сне вершины стройных пин.
И всё вокруг меня полно очарованья,
Но сердца моего ничто не веселит...
Иные предо мной встают воспоминанья,
Иная красота волнует и манит¹.

Столетие спустя у поэтессы начала XXI в. находим тот же самый приём. Лишь название стихотворения «Гоголь в Риме» Елены Дунской² даёт повод соотнести её текст про *«искусство площадное, / Чумное кумовство толпы»*² с гоголевским описанием римского карнавала. Но ни в письме Гоголя к А. С. Данилевскому от 2 февраля 1838 года, ни в отрывке «Рим» мы не найдём поэтических восторгов по поводу «безумной и невзрачной» скрипки, которой и посвящено стихотворение Дунской. Напротив, в карнавальном шествии Гоголь увидел инструмент гиперболических размеров: «...на шести колёсах везли страшилищной величины скрипку. Один человек сидел верхом на подставке, другой, идя сбоку её, водил громадным смычком по четырём канатам, натянутым на неё вместо струн». Дополняет гротескный образ следующая за «скрипкой» клистирная трубка «вышиною в колокольню» [III: 249–250].

При всем разнообразии жанров и ритмов, за полтора столетия авторы не вышли из намеченных современниками Гоголя стихотворных трактовок римского периода жизни писателя: с одной стороны, негативная оценка «чужбины», противопоставление ей Руси, с другой – приятие Рима как творческой лаборатории создателя «Мёртвых душ». Оба пути раскрытия темы ведут поэтов «из прекрасного далека» туда, где «сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..» [VI: 221]. Попытки преодолеть рамки двух поэтических версий и опереться на образ Гоголя в своём личном художественном освоении Рима дали новый разворот теме, но мало удачных образцов.

Литература

Сугай Л. А. Гоголь и символисты. Banská Bystrica, 2011.

¹ Раннее утро. 1909. № 95. 26 апр.

² <http://www.stihi.ru/2016/03/27/1328>